Научная статья

УДК 94(47).083.3

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ВОЛОСТНОЙ СУД В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Ведьманов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, преподаватель-методист, Ульяновское гвардейское суворовское военное училище, Россия, Ульяновск, oleg.vedmanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются организация и особенности деятельности волостных судов в Российской империи после крестьянской реформы 1861 года. Цель исследования заключается в анализе взаимодействия норм обычного права и законодательства в практике крестьянского правосудия, а также в характеристике изменений его институционального положения во второй половине XIX — начале XX века. Методологическую основу составляют сравнительно-исторический, историко-правовой и микроисторический подходы. В качестве исследовательского контекста рассматриваются материалы волостного судопроизводства Тамбовской и Саратовской губерний, характеризующие кадровый состав судей, практику рассмотрения споров и основания пересмотра решений. Выделены основные направления трансформации крестьянского правосудия: изменение соотношения обычного права и писаных норм, расширение административного надзора после преобразований 1889 года и пересмотр законодательных оснований телесных наказаний в 1904 году. Показано, что интерпретация архивных данных требует разграничения грамотности и школьного образования судей, а также учёта состава и сохранности документальных массивов. Сделан вывод о необходимости комплексного исследования правового статуса волостных судов и особенностей их повседневного функционирования.

Ключевые слова: волостной суд; крестьянское самоуправление;

крестьянская реформа 1861 года; обычное право; судебная практика; земские начальники; телесные наказания.

Original article

PEASANT SELF-GOVERNMENT AND VOLOST COURTS IN THE RUSSIAN EMPIRE AFTER THE EMANCIPATION REFORM OF 1861

Vedmanov Oleg Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Teacher-Methodologist, Ulyanovsk Guards Suvorov Military School, Ulyanovsk, Russia, oleg.vedmanov@mail.ru

Abstract. The article examines the organization and functioning of volost courts in the Russian Empire following the Emancipation Reform of 1861. The study aims to analyze the interaction between customary law and statutory regulations in peasant judicial practice, as well as changes in the institutional status of volost courts from the second half of the nineteenth to the early twentieth century. The methodological framework combines comparative historical, legal historical, and microhistorical approaches. The research considers archival materials relating to peasant justice in the Tambov and Saratov provinces, including the composition of judicial personnel, the handling of disputes, and the review of court decisions. The analysis identifies major directions of institutional transformation, including changes in the relationship between customary and written law, the expansion of administrative supervision following the reforms of 1889, and the revision of the legal framework for corporal punishment in 1904. Particular attention is paid to distinguishing literacy from formal education and to the limitations arising from the composition and preservation of archival records. The article concludes that the historical role of volost courts should be examined through an integrated analysis of their legal status and everyday judicial practices.

Keywords: volost courts; peasant self-government; Emancipation Reform of 1861; customary law; judicial practice; zemstvo chiefs; corporal punishment.

Введение. Крестьянская реформа 1861 г. потребовала выстраивания новой архитектуры местного управления. Стремясь сохранить сословную обособленность сельского населения, государство учредило волостной суд. Однако столичные законопроекты и реальные механизмы разрешения споров на местах зачастую расходились [1-3]. В отечественной историографии, как показано в трудах, посвященных оценке аграрных преобразований второй половины XIX – начала XX в., долгое время доминировали макроэкономические и политические подходы. Исследователи разных направлений сосредотачивались на последствиях отмены крепостного права, хозяйственном упадке или, напротив, развитии капиталистических отношений [4-6]. При этом местное правоприменение и повседневные практики сословного самоуправления часто оставались вне основного исследовательского внимания. Изучение практического функционирования волостного суда вне заданных идеологических схем позволяет точнее реконструировать историю пореформенной деревни, не сводя её к интерпретациям в терминах классовой борьбы или апологетики великих реформ.

Учреждение волостного суда было связано с преобразованием системы крестьянского управления в ходе реформы 1861 года. В соответствии с принятыми тогда положениями волостной суд создавался как сословный орган, предназначенный для разрешения определённых категорий споров и рассмотрения проступков крестьянского населения. Его деятельность опиралась на сочетание установленных законодательством правил и местных обычаев, применявшихся в пределах предоставленной компетенции. Судебная реформа 1864 года сформировала новые принципы организации общей судебной системы Российской империи, однако не являлась актом первоначального учреждения волостных судов. Сохранение особого крестьянского правосудия отражало сословную структуру местного управления и создавало условия для сосуществования общегосударственных правовых норм с традиционными способами разрешения конфликтов. В повседневной практике волостные суды

рассматривали имущественные, семейные и иные дела, отнесённые к их ведению. При этом характер применения обычного права определялся как нормативными пределами компетенции суда, так и конкретными обстоятельствами локальной судебной практики.

Опора на обычное право делала судебные решения более гибкими, но одновременно приводила к неодинаковой трактовке норм. То, что в одной волости считалось незыблемой традицией, в соседней могло расцениваться как опасный пережиток. Столичные чиновники и юристы критиковали эту систему за непредсказуемость и жестокость некоторых видов наказаний, таких как розги. Однако попытки заменить обычай писаным законом встречали сопротивление со стороны местного населения. Крестьяне воспринимали волостной суд как продолжение сельского схода, инструмент поддержания внутреннего мира [8]. Это расхождение между нормами закона и их фактическим применением определяло специфику местного самоуправления на протяжении первых пореформенных десятилетий.

Кризис сословной изоляции стал очевиден уже к концу 1870-х гг. Экономическое расслоение деревни, о котором подробно писали исследователи аграрной истории, разрушало патриархальные устои общины. Зажиточные домохозяева все чаще вступали в имущественные споры с беднейшими соседями, и старый обычай уже не мог служить универсальным арбитром. В ответ на это правительство Александра III пошло по пути ужесточения контроля. Введение института земских начальников в 1889 г. фактически лишило волостные суды самостоятельности. Теперь решения сельских судей подлежали обязательному пересмотру и утверждению представителями дворянства. Повседневная практика отправления правосудия превратилась в бюрократическую процедуру. Земские начальники массово отменяли приговоры, руководствуясь интересами помещичьего землевладения и требованиями государственной дисциплины [9].

К началу XX века сословный суд стал символом неравенства и произвола,

инструментом в руках зажиточной верхушки и местной администрации. Реформа 1912 г., задуманная как шаг к унификации судебной системы, предполагала создание объединенных судов с участием выборных от крестьян. Однако к этому моменту повседневные практики самоуправления уже существенно изменились. Крестьяне обходили официальные инстанции, предпочитая решать конфликты через волостные правления, старост или вовсе вынося споры за пределы правовой плоскости. Разрушение общинной солидарности и рост правовой грамотности делали архаичный сословный суд анахронизмом.

Эволюция волостного суда наглядно демонстрирует трансформацию отношений между государством и деревней. От первоначального курса на сословную автономию в 1860-е гг. власть перешла к усилению административного контроля, а затем попыталась интегрировать крестьянство в общегосударственное правовое поле [10]. Изучение этих процессов требует внимания к реальным действиям людей на местах. Именно анализ повседневных практик и способов адаптации государственных законов к местным потребностям позволяет точнее реконструировать историю пореформенного российского общества.

Обзор литературы. В отечественной историографии роль сословного правосудия в пореформенной деревне постепенно переосмысливается. В дореволюционный период исследования концентрировались вокруг анализа законодательных основ крестьянской реформы и оценки её социально-экономических последствий. Работы И.И. Иванюкова, Ю.Э. Янсона, Л.В. Ходского заложили фундамент изучения аграрных преобразований, однако повседневная деятельность волостных судов оставалась на периферии исследовательского внимания.

Принципиально иной ракурс обозначился в советской историографии 1950-1970-х гг., когда проблема кризиса крепостнической системы вышла на первый план. И.Д. Ковальченко, обработавший подворные описи 183

помещичьих имений, Б.Г. Литвак, В.И. Крутиков, В.А. Федоров сосредоточились на экономическом положении крестьянства, но вопросы местного самоуправления и судебной практики рассматривались ими сквозь призму классовой борьбы и эксплуатации [11-13].

Современный этап характеризуется обращением к микроисторическому подходу и попытками реконструкции повседневных практик. Б.Н. Миронов, анализируя биостатус населения имперской России, Л.М. Рянский и Р.Л. Рянский, исследовавшие социально-экономическую историю крепостной деревни Черноземного центра, продемонстрировали продуктивность изучения локальных сообществ через призму конкретных архивных материалов. Вместе с тем комплексный анализ эволюции волостного суда на протяжении всего пореформенного периода с опорой на делопроизводственную документацию судебных учреждений остаётся недостаточно разработанной проблемой.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили материалы фондов волостных судов Тамбовской и Саратовской губерний, сосредоточенные в региональных государственных архивах. Выбор данных территорий обусловлен репрезентативностью Черноземного региона для изучения пореформенной деревни, а также сравнительной полнотой сохранившегося делопроизводства.

Основной массив источников формируют:

1) Фонд Тамбовского губернского по крестьянским делам присутствия (ГАТО, ф. 250), содержащий жалобы крестьян на решения волостных судов за 1864-1912 гг.

2) Дела волостных судов Козловского уезда Тамбовской губернии (ГАТО, ф. 255)

3) Протоколы крестьянских сходов нескольких волостей Саратовской губернии (ГАСО, ф. 18)

4) Отчётные документы о применении телесных наказаний за 1880-1912 гг.

Критика источников выявила существенную неравномерность

сохранности материалов. Если протоколы сходов и отчётная документация по телесным наказаниям сохранились относительно полно (охват около 75-80% волостей), то собственно судебные дела волостных судов фрагментарны. Сохранность судебно-делопроизводственных материалов характеризуется территориальной и хронологической неравномерностью, которая ограничивает возможность распространения результатов на всю совокупность волостных судов. В рассматриваемой статье приведено соотношение 12 из 47 волостей Козловского уезда Тамбовской губернии, что составляет приблизительно 25,5 %. Однако данная оценка может использоваться как показатель архивного охвата только после подтверждения исходного количества волостей, определения периода сравнения и установления перечня сохранившихся дел. Сведения о сохранности документов следует отличать от оценки репрезентативности судебной выборки: наличие архивных материалов по определённой волости не означает полноты регистрации всех рассмотренных в ней дел. Поэтому количественные выводы требуют учёта ограничений доступного источникового корпуса.

Исследование основано на сочетании сравнительно-исторического, историко-правового и микроисторического подходов к анализу деятельности волостных судов. В качестве источниковой основы рассматриваются материалы крестьянского делопроизводства Тамбовской и Саратовской губерний, включая сведения о составе волостных судей, жалобы на судебные решения и документы, отражающие практику рассмотрения отдельных категорий дел. Для количественного сопоставления в статье представлены три различные аналитические совокупности: сведения о 156 судьях, 234 дела о пересмотре судебных решений и 450 дел, используемых для анализа соотношения обычного права и писаного закона. Указанные совокупности различаются по единицам учёта и исследовательскому назначению. Первая характеризует кадровый состав волостных судов, вторая — практику обжалования и пересмотра решений, третья — содержание судебной аргументации. Их объёмы не подлежат суммированию,

а результаты анализа одной совокупности не могут автоматически распространяться на другие. Для проверки количественных выводов необходимы сведения о территориальной принадлежности, хронологических границах и архивном происхождении каждой выборки. Микроисторический анализ отдельных дел используется для интерпретации механизмов судебного решения, тогда как количественные показатели рассматриваются в пределах соответствующих исходных массивов.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ послужных списков волостных судей Тамбовской и Саратовской губерний позволяет реконструировать социальный облик сословного правосудия на местах. Подавляющее большинство судей (около 89% в выборке из 156 человек) происходило из крестьян, причём преобладали домохозяева среднего достатка, избранные односельчанами за безупречную репутацию и житейскую мудрость (таблица 1).

Таблица 1 - Возраст, грамотность и служебный опыт волостных судей Козловского уезда Тамбовской губернии в 1864-1912 гг.

Период	Средний возраст при избрании	Доля грамотных (%)	Средний срок пребывания в должности (лет)	Доля бывших сельских старост (%)
1864-1880	47,3	34	2,1	41
1881-1895	49,1	52	2,8	38
1896-1912	51,2	68	3,4	45

Составлено по: ГАТО, ф. 255, оп. 1, д. 1-47 (послужные списки волостных судей).

Примечание. Показатель грамотности характеризует наличие навыков чтения и письма и не тождественен наличию законченного начального образования. Средний возраст при избрании, продолжительность пребывания в должности и доля бывших сельских старост рассматриваются как самостоятельные характеристики кадрового состава.

Представленные в таблице 1 сведения характеризуют изменение доли грамотных среди рассматриваемых волостных судей. В период 1864–1880 гг. соответствующий показатель составляет 34 %, в 1881–1895 гг. — 52 %, а в 1896–

1912 гг. — 68 %. Таким образом, в пределах представленной аналитической серии доля грамотных увеличивается на 34 процентных пункта, то есть в два раза относительно первоначального значения. При интерпретации указанных результатов необходимо разграничивать способность читать и писать и наличие документально подтверждённого начального школьного образования. Приведённые в таблице показатели грамотности не позволяют установить, какая доля судей окончила церковно-приходские, земские или другие учебные заведения. Следовательно, рассматриваемая динамика свидетельствует об изменении грамотности судейского корпуса, тогда как вывод об образовательной структуре требует самостоятельных сведений из послужных списков и иных персональных документов (таблица 1).

Средний срок пребывания в должности постепенно увеличивался с 2,1 года в 1860-е до 3,4 года в 1900-е гг., что свидетельствует о формировании более устойчивого корпуса волостных судей. Значительная доля бывших сельских старост (от 38 до 45%) указывает на преемственность между административным и судебным управлением в волости.

Одним из направлений исследования волостного судопроизводства является анализ жалоб на решения выборных судей и возможное влияние представителей сельской администрации на содержание приговоров. В статье рассматривается совокупность из 234 дел о пересмотре судебных решений. Среди выделенных оснований пересмотра указаны случаи давления со стороны старосты или волостного писаря; для этой категории приведено 67 дел, или 28,6 % рассматриваемой совокупности. Вместе с тем остальные доли, представленные в исходных данных рисунка 1, в сумме с указанным показателем составляют 104 %. Следовательно, исходная диаграмма не может интерпретироваться как распределение взаимоисключающих категорий. Для корректного анализа необходимо установить, допускалось ли отнесение одного дела к нескольким основаниям пересмотра. До уточнения правил кодирования представленные значения могут характеризовать только частоту регистрации

отдельных оснований и не должны использоваться для расчёта структуры единого распределения (рисунок 1).

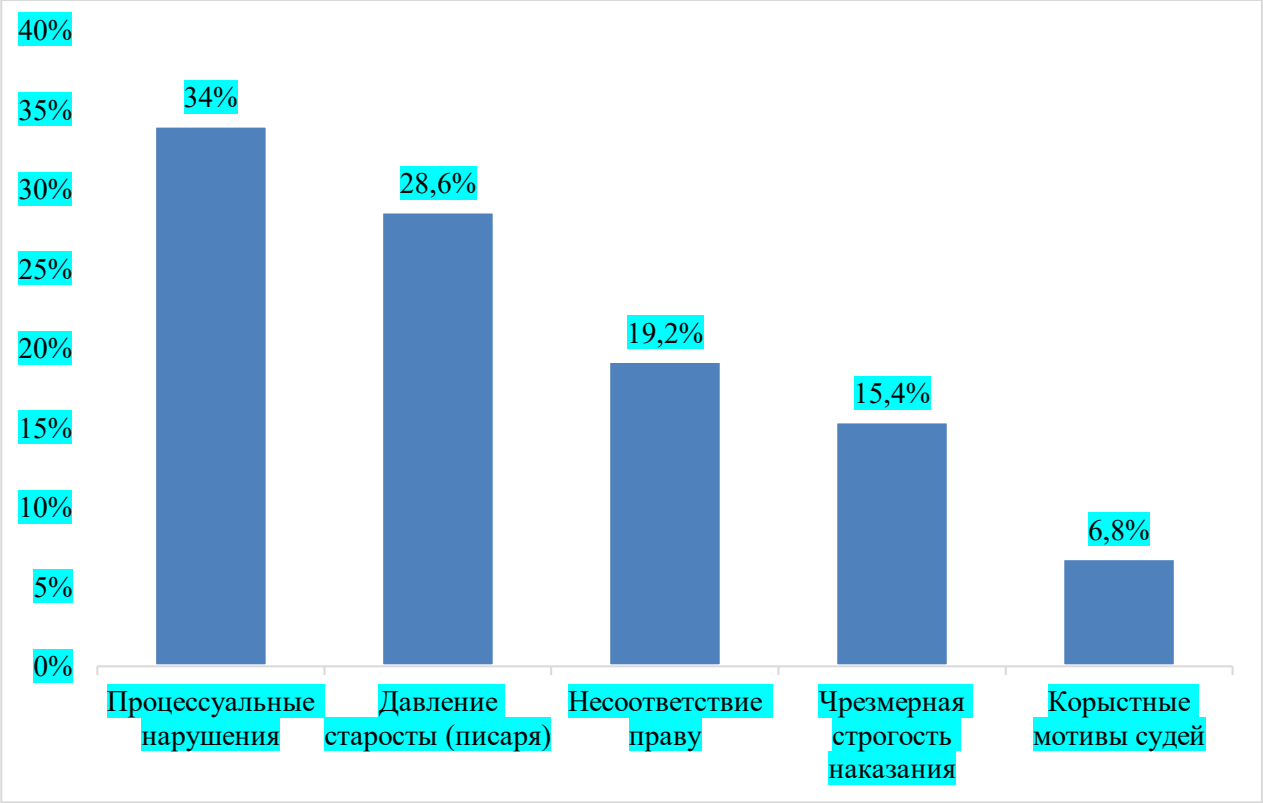

Рисунок 1 - Упоминание отдельных оснований пересмотра решений волостных судов в анализируемых жалобах (1880-1912 гг.)

Составлено по: ГАТО, ф. 250, оп. 1, д. 1-89 (журналы Тамбовского губернского по крестьянским делам присутствия)

Особую роль играл волостной писарь - зачастую единственный грамотный человек в судебной инстанции. Фактическое ведение делопроизводства, формулирование приговоров, ссылка на соответствующие статьи законов давали писарю возможность существенно влиять на исход дела. В материалах ревизий 1890-х гг. зафиксированы случаи, когда писари систематически подменяли решения судей.

Противоречие волостного суда заключалось в необходимости сочетать требования государственных уставных грамот с локальными представлениями о справедливости. Это противоречие проявлялось в судебной практике, в том числе в делах о семейных разделах, земельных спорах и самовольных порубках (таблица 2).

Таблица 2 - Соотношение ссылок на обычное право и писаный закон в решениях волостных судов (по выборке из 450 дел), %

Категория дел	Доля решений со ссылками на обычное право	Доля решений со ссылками на писаный закон	Доля решений без правовых ссылок
Семейные разделы	78	12	10
Земельные споры	64	28	8
Самовольные порубки	31	58	11
Кражи имущества	18	71	11
Договорные обязательства	22	69	9

Составлено по: ГАТО, ф. 255, оп. 1, д. 12-34; ГАСО, ф. 18, оп. 2, д. 45-78.

Представленные данные выявляют чёткую закономерность: чем теснее дело было связано с внутренней жизнью общины и семейно-родовыми отношениями, тем выше была роль обычного права. При семейных разделах судьи в 78% случаев руководствовались местными традициями распределения имущества между наследниками, которые нередко расходились с нормами Свода законов.

Для характеристики применения местных обычаев при рассмотрении имущественных споров особый интерес представляет вопрос о соотношении формально установленных наследственных прав и фактического вклада членов крестьянского двора в ведение общего хозяйства. В рукописи приводится пример разбирательства 1887 года, связанного с разделом имущества между братьями, однако для использования этого случая в качестве документально подтверждённого судебного казуса необходимо указать архивный шифр, листы дела и способ воспроизведения текста приговора.

В делах о самовольных порубках и кражах, напротив, доминировали ссылки на писаный закон (58% и 71% соответственно). Это объясняется тем, что данные категории дел подпадали под действие Уложения о наказаниях и требовали формального обоснования приговора для возможного пересмотра в вышестоящих инстанциях.

Особый интерес представляет практика применения принципа круговой

поруки при взыскании убытков. В делах о кражах, совершённых неустановленными лицами, волостные суды нередко возлагали ответственность на всё сельское общество, если преступление произошло на территории деревни. Такая практика, не имевшая законодательного обоснования, глубоко укоренена в обычном праве и отражала коллективистские представления крестьян о взаимной ответственности (рисунок 2).

Проблема телесных наказаний занимала центральное место в дискуссиях о волостном суде на протяжении всего пореформенного периода. Розги, предусмотренные законом как исключительная мера для крестьян, на практике стали рутинным инструментом судебного принуждения.

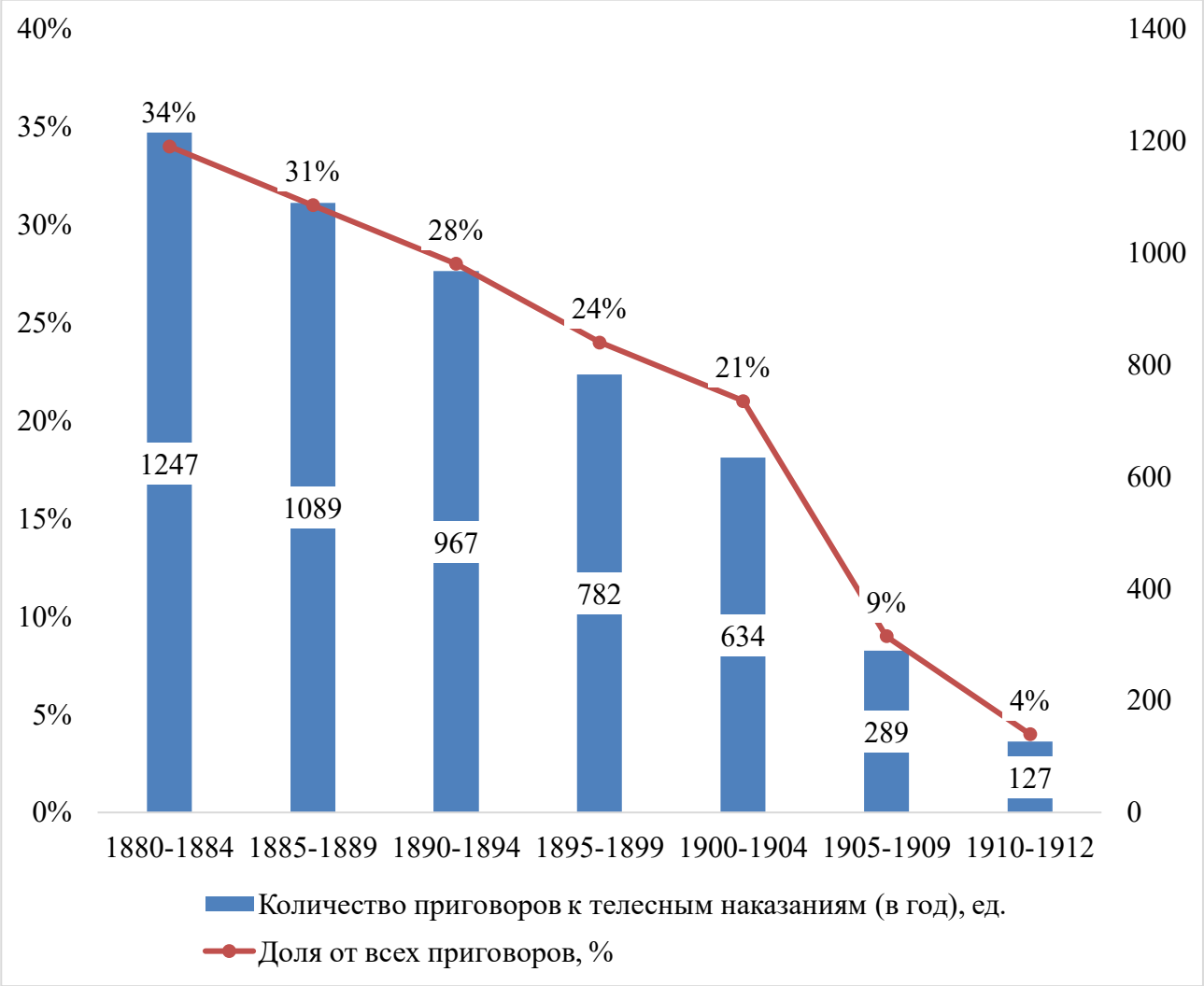

Рисунок 2 - Динамика применения телесных наказаний волостными судами Тамбовской губернии (1880-1912 гг.)

Составлено по: ГАТО, ф. 250, оп. 2, д. 1-34 (отчётные ведомости о применении телесных наказаний).

Изменение практики назначения телесных наказаний волостными судами необходимо рассматривать с разграничением законодательных оснований и фактического исполнения судебных решений. В течение второй половины XIX века телесные наказания сохранялись как один из элементов сословного правового режима, однако их применение становилось предметом общественной и законодательной критики. Существенное значение имел закон от 12 июня 1904 года, отменивший телесные наказания для крестьян в соответствующей сфере правового регулирования.

Таблица 3 - Распределение учтённых назначений телесных наказаний по категориям правонарушений в рассматриваемом массиве за 1890–1904 гг.

Категория правонарушений	Абсолютное число приговоров	Доля в общем числе (%)	Среднее количество ударов
Кражи на сумму до 5 руб.	1847	42,3	12,4
Самовольные порубки	892	20,4	8,7
Неисполнение семейных обязанностей	534	12,2	10,2
Пьянство и буянство	487	11,1	6,8
Неуплата недоимок	289	6,6	15,3
Прочие	324	7,4	9,1
Итого	4373	100	10,8

Составлено по: ГАТО, ф. 250, оп. 2, д. 12-28.

В представленной таблице многочисленную категорию составляют случаи, связанные с кражами имущества на сумму до 5 рублей: 1847 из 4373 записей, или 42,3 %. На самовольные порубки приходится 20,4 %, на неисполнение семейных обязанностей — 12,2 %, на пьянство и нарушение общественного порядка — 11,1 %. Указанные соотношения характеризуют состав рассматриваемого массива, однако не позволяют непосредственно определить эффективность телесных наказаний как средства предупреждения правонарушений. Для вывода об их превентивной функции необходимы дополнительные сведения о повторности проступков, практике назначения альтернативных мер и изменении частоты правонарушений. Поэтому результаты таблицы целесообразно использовать для характеристики распределения

наказаний по категориям дел, разграничивая количественную структуру судебных решений и оценку их предполагаемых социальных последствий.

Примечательна эволюция общественного мнения по данному вопросу. Если в 1860-1870-е гг. даже либерально настроенные исследователи (К.Д. Кавелин, Г.А. Джаншиев) допускали необходимость розг как временной меры для «необразованного сословия», то к началу XX века требование полной отмены телесных наказаний стало общим для представителей почти всех политических направлений, кроме крайне правых.

В материалах крестьянских жалоб зафиксированы противоречивые оценки. С одной стороны, многие заявители указывали на жестокость и унижительность розог, с другой - встречались ходатайства о сохранении телесных наказаний для «исправления» провинившихся односельчан. Эта амбивалентность отражала глубокое противоречие между стремлением к человеческому достоинству и укоренённостью патриархальных представлений о воспитании через страх [15-17].

Анализ эволюции волостного суда с 1864 по 1912 год позволяет выделить несколько взаимосвязанных тенденций. Постепенное повышение образовательного уровня судейского корпуса, сокращение применения телесных наказаний, усиление влияния писаного закона при сохранении элементов обычного права - все эти процессы вписываются в более широкий контекст модернизации пореформенной России.

Вместе с тем волостной суд так и не преодолел своего сословного характера. Оставаясь институтом крестьянского самоуправления, он функционировал в условиях патерналистского контроля со стороны земских начальников (после 1889 года) и губернских присутствий. Это двойственное положение между автономией и подчинением определяло противоречивость повседневной практики.

Сопоставление материалов волостного судопроизводства Тамбовской и Саратовской губерний позволяет рассматривать возможные общие черты

организации крестьянского правосудия, связанные с сочетанием обычного права и нормативно закреплённых судебных процедур. Вместе с тем неодинаковая сохранность делопроизводственных материалов и отсутствие раздельного представления количественных показателей по губерниям не позволяют установить степень сходства исследуемых территорий.

Замыслы реформы 1912 года, направленной на создание единой судебной системы, не были реализованы до падения монархии. Однако сам факт подготовки такой реформы свидетельствовал о признании несостоятельности сословного суда в условиях трансформирующегося общества.

Представленные материалы позволяют предположить связь между изменением характеристик кадрового состава волостных судов и преобразованием практик крестьянского правосудия. Увеличение доли грамотных судей могло способствовать более широкому использованию письменных документов и юридической терминологии при оформлении решений.

Выводы. Волостной суд являлся одним из важнейших элементов системы крестьянского самоуправления, сформированной в ходе реформы 1861 года. Его правовой статус отражал сохранение сословного принципа организации местного правосудия при постепенном изменении механизмов взаимодействия крестьянского населения с государственными учреждениями. Сочетание обычного права и писаных юридических норм определяло особенности рассмотрения имущественных, семейных и иных дел, входивших в компетенцию волостных судов. Законодательные преобразования 1889 и 1904 годов изменяли условия функционирования данных учреждений, усиливая административное регулирование и ограничивая отдельные ранее допустимые правовые практики. Представленные материалы позволяют выделить основные направления трансформации крестьянского правосудия, однако не дают оснований без дополнительного анализа утверждать, что волостной суд являлся главным или единственным механизмом правовой интеграции бывших крепостных. Оценка

его исторической роли требует учёта различий между нормативными положениями, архивно зафиксированными судебными решениями и повседневными практиками сельского населения.

Правовая социализация происходила через повседневное практическое взаимодействие сельских жителей с судебными процедурами. Подача жалоб на решения выборных судей в губернские по крестьянским делам присутствия, а позднее в инстанции земских начальников, свидетельствует о постепенном формировании у сельского населения понимания иерархичности государственной правовой системы. Крестьяне все четче осознавали разницу между локальным обычаем и имперским законом, начиная использовать письменные нормы для защиты личных и имущественных интересов. Постепенное вытеснение неписаных традиций нормами писаного права, отражённое в протоколах судебных заседаний, свидетельствует об изменении коллективного правосознания: государство всё реже воспринималось исключительно как карательная сила и всё чаще - как арбитр, чьи нормы могли использоваться для разрешения внутренних конфликтов.

Существенным катализатором подобных изменений выступала внутренняя эволюция делопроизводства и кадрового состава самих судебных учреждений. Волостные писари, доля грамотных среди которых возрастала, формулировали приговоры с использованием официальной юридической терминологии и тем самым способствовали распространению государственных правовых понятий в сельской среде. Одновременно с этим системный отказ от телесных наказаний, завершившийся законодательным запретом розог в начале XX века, изменил саму природу местного правосудия. Переход от физического принуждения к денежным штрафам и краткосрочным арестам сближал практику волостных судов с общегосударственными подходами к наказанию и ослаблял её сословно-патерналистский характер.

Законодательные изменения пореформенной эпохи также подтверждают тенденцию к постепенному включению крестьянства в единое правовое поле.

Учреждение института земских участковых начальников в 1889 году существенно изменило систему административного надзора за крестьянским самоуправлением и волостным судом. Земские начальники получили установленные законодательством полномочия в отношении деятельности соответствующих сельских и волостных учреждений, что усилило зависимость крестьянского правосудия от местной администрации. Вместе с тем расширение надзорных полномочий не следует отождествлять с обязательным утверждением каждого приговора волостного суда представителем дворянства. Правовые основания вмешательства, порядок обжалования и пределы пересмотра решений определялись соответствующими нормативными актами и должны рассматриваться отдельно. Для оценки фактического влияния земских начальников на судебную практику необходимо учитывать содержание конкретных жалоб, оснований пересмотра и принимаемых по ним решений. Таким образом, преобразования 1889 года характеризуют усиление административного контроля, но не позволяют без анализа делопроизводственных материалов утверждать, что волостные суды полностью утратили самостоятельность при рассмотрении всех категорий дел.

В конечном счете, историческая динамика волостного суда опровергает устоявшиеся в дореволюционной и ранней советской историографии представления о пореформенном селе как о замкнутой и юридически инертной среде. Повседневная деятельность выборных судей, апелляции тяжущихся сторон и изменения законодательства в совокупности сформировали механизм правовой адаптации крестьянского сословия. Через призму локальной судебной практики сельская община постепенно усваивала понятия формальной собственности, процессуального обжалования и стандартизированной ответственности, закладывая необходимый фундамент для своего последующего перехода от статуса подданных к роли полноценных участников правового пространства модернизирующейся России.

Дальнейшее изучение волостного судопроизводства целесообразно

направить на формирование сопоставимого корпуса архивных дел с единообразным указанием территории, времени рассмотрения, категории спора и правового основания принятого решения. Особое значение имеет проверка изменений судебной практики в связи с законодательными преобразованиями 1861, 1889 и 1904 годов. Отдельным направлением может стать сравнительный анализ грамотности и предшествующего служебного опыта волостных судей с разграничением навыков чтения и письма и документально подтверждённого образования. Перспективной задачей является также исследование оснований пересмотра судебных решений с возможностью множественного кодирования жалоб и выявления роли административных должностных лиц. Расширение источниковой базы позволит уточнить региональные особенности крестьянского правосудия и определить пределы распространения выводов, полученных на материалах отдельных волостей.

Список литературы

1. Пашенцева Д. Д. Акты волостных судов в системе источников права Российской империи // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 49–52. DOI: 10.52433/01316761_2023_01_49.

2. Beer D. Liberalism and the Law in Late Imperial Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2023. Vol. 24. No. 2. P. 412–424. DOI: 10.1353/kri.2023.0023.

3. Дюсюпова А. Д. Правовое регулирование общинного землевладения в Российской империи второй половины XIX — начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 1. С. 80–94. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1-80-94.

4. Bairašauskaitė T. Valsčiaus teismas XIX a. antroje pusėje: duoklė valstiečių teisiniam atsilikimui ar modernėjimo pamoka? [Волостной суд во второй половине XIX в.: дань правовой отсталости крестьян или урок модернизации?] // Lietuvos istorijos metraštis. 2025. № 1. P. 97–121. DOI: 10.33918/25386549-202501003.

5. Метшин И. Р. Судебная реформа 1864 года как фактор государственного

единства Российской империи (к 160-летию Судебной реформы) // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 50–55. DOI: 10.52433/01316761_2024_02_50.

6. Saranchuk O. V. Forms of Public Participation in the Administration of Justice in the Russian Empire in the 19th Century: The Case of Volost' Courts and Local Self-Government in Southern Ukraine // Uzhhorod National University Herald. Series: Law. 2025. No. 90. Pt. 1. P. 130–136. DOI: 10.24144/2307-3322.2025.90.1.18.

7. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М.: Политическая энциклопедия, 2024. 663 с. ISBN 978-5-8243-2562-1.

8. Plotskaya O. A., Melentev A. V., Ospanova D. A., Zhirov R. M. Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries // Bylye Gody. 2025. Vol. 20. No. 3. P. 1428–1437. DOI: 10.13187/bg.2025.3.1428.

9. Борисова Т. Ю. Накануне Судебной реформы 1864 г.: проблематизация режимов темпоральности в развитии российского правосудия в 1860–1870-е гг. // Новое прошлое / The New Past. 2025. № 1. С. 73–88. DOI: 10.18522/2500-3224-2025-1-73-88.

10. Fedorova A. Who Should Own the Land? The Peasants Land Bank and the Politics of Access in the Late Russian Empire // Enterprise & Society. 2026. First View. P. 1–24. DOI: 10.1017/eso.2026.10122.

11. Петрищева Н. С., Шишкарева Т. Н. Ценности и принципы обычного права в крестьянской пореформенной общине // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2025. № 2. С. 130–135. DOI: 10.52452/19931778_2025_2_130.

12. Калюжная О. В., Сорокин А. А. Дискуссии о реформе институтов крестьянского самоуправления в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 4 (37). С. 17–26. DOI: 10.24412/2541-9056-2025-437-17-26.

13. Юдина М. И. Российский абсолютизм как контекст Судебной реформы 1864

года // Российская юстиция. 2025. № 3. С. 19–26. DOI: 10.52433/01316761_2025_03_19.

14. Мелентьев А. В. Эволюция применения правового обычая в практике волостных судов Центральной России (1861–1917 гг.) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2026. № 1. С. 24–27.

15. Красильников Т. С. Волостной суд: принципы крестьянского правосудия // Журнал юридических исследований. 2026. Т. 11. № 1. С. 22–28. DOI: 10.12737/2500-333X-2026-11-1-22-28.

16. Рябова М. М. Трансформация крестьянской семьи в пореформенный период: практики волостных судов Богородского уезда // Исторический вестник. 2026. Т. 9. № 2. С. 118–125.

17. Мелентьев А. В. Волостные суды Российской империи: роль, функции и проблемы функционирования в контексте реформ второй половины XIX века // История государства и права. 2026. № 6. С. 64–69. DOI: 10.18572/1812-3805-2026-6-64-69.

References

1. Pashentseva D. D. Akty volostnykh sudov v sisteme istochnikov prava Rossiiskoi imperii // Rossiiskaya yustitsiya. 2023. № 1. S. 49–52. DOI: 10.52433/01316761_2023_01_49.

2. Beer D. Liberalism and the Law in Late Imperial Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2023. Vol. 24. No. 2. P. 412–424. DOI: 10.1353/kri.2023.0023.

3. Dyusyupova A. D. Pravovoe regulirovanie obshchinnogo zemlevladeniya v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. T. 28. № 1. S. 80–94. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1-80-94.

4. Bairašauskaitė T. Valsčiaus teismas XIX a. antroje pusėje: duoklė valstiečių teisiniam atsilikimui ar modernėjimo pamoka? [Volostnoi sud vo vtoroi polovine XIX

v.: dan' pravovoi otstalosti krest'yan ili urok modernizatsii?] // Lietuvos istorijos metraštis. 2025. № 1. P. 97–121. DOI: 10.33918/25386549-202501003.

5. Metshin I. R. Sudebnaya reforma 1864 goda kak faktor gosudarstvennogo edinstva Rossiiskoi imperii (k 160-letiyu Sudebnoi reformy) // Rossiiskaya yustitsiya. 2024. № 2. S. 50–55. DOI: 10.52433/01316761_2024_02_50.

6. Saranshuk O. V. Forms of Public Participation in the Administration of Justice in the Russian Empire in the 19th Century: The Case of Volost' Courts and Local Self-Government in Southern Ukraine // Uzhhorod National University Herald. Series: Law. 2025. No. 90. Pt. 1. P. 130–136. DOI: 10.24144/2307-3322.2025.90.1.18.

7. Kondrashin V. V. Rossiiskaya derevnya v usloviyakh industrial'noi modernizatsii. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2024. 663 s. ISBN 978-5-8243-2562-1.

8. Plotskaya O. A., Melentev A. V., Ospanova D. A., Zhirov R. M. Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries // Bylye Gody. 2025. Vol. 20. No. 3. P. 1428–1437. DOI: 10.13187/bg.2025.3.1428.

9. Borisova T. Yu. Nakanune Sudebnoi reformy 1864 g.: problematizatsiya rezhimov temporal'nosti v razvitii rossiiskogo pravosudiya v 1860–1870-e gg. // Novoe proshloe / The New Past. 2025. № 1. S. 73–88. DOI: 10.18522/2500-3224-2025-1-73-88.

10. Fedorova A. Who Should Own the Land? The Peasants Land Bank and the Politics of Access in the Late Russian Empire // Enterprise & Society. 2026. First View. P. 1–24. DOI: 10.1017/eso.2026.10122.

11. Petrishcheva N. S., Shishkareva T. N. Tsennosti i printsipy obychnogo prava v krest'yanskoi poreformennoi obshchine // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2025. № 2. S. 130–135. DOI: 10.52452/19931778_2025_2_130.

12. Kalyuzhnaya O. V., Sorokin A. A. Diskussii o reforme institutov krest'yanskogo samoupravleniya v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. // Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii. 2025. № 4 (37). S. 17–26. DOI: 10.24412/2541-9056-2025-437-17-26.

13. Yudina M. I. Rossiiskii absolyutizm kak kontekst Sudebnoi reformy 1864 goda //

Rossiiskaya yustitsiya. 2025. № 3. S. 19–26. DOI: 10.52433/01316761_2025_03_19.
14. Melent'ev A. V. Evolyutsiya primeneniya pravovogo obychaya v praktike volostnykh sudov Tsentral'noi Rossii (1861–1917 gg.) // Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2026. № 1. S. 24–27.
15. Krasil'nikov T. S. Volostnoi sud: printsipy krest'yanskogo pravosudiya // Zhurnal yuridicheskikh issledovanii. 2026. T. 11. № 1. S. 22–28. DOI: 10.12737/2500-333X-2026-11-1-22-28.
16. Ryabova M. M. Transformatsiya krest'yanskoi sem'i v poreformennyi period: praktiki volostnykh sudov Bogorodskogo uezda // Istoricheskii vestnik. 2026. T. 9. № 2. S. 118–125.
17. Melent'ev A. V. Volostnye sudy Rossiiskoi imperii: rol', funktsii i problemy funktsionirovaniya v kontekste reform vtoroi poloviny XIX veka // Istoriya gosudarstva i prava. 2026. № 6. S. 64–69. DOI: 10.18572/1812-3805-2026-6-64-69.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 08.09.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after peer review 14.04.2026; accepted for publication 08.09.2026.